

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т.Федина

город Санкт-Петербург

6 декабря 2011 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статьи 107 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Эстонской Республики А.Т.Федина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли

Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.Д.Рудкина, изучив представленные документы и иные материалы, в том числе объяснения полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.И.Александрова и полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии со статьей 107 УПК Российской Федерации мера пресечения в виде домашнего ареста заключается в ограничениях, связанных со свободой передвижения подозреваемого, обвиняемого, а также в запрете общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию и вести переговоры с использованием любых средств связи (часть первая); эта мера избирается по решению суда при наличии оснований и в порядке, которые установлены статьей 108 «Заключение под стражу» данного Кодекса, с учетом возраста подозреваемого, обвиняемого, его состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств (часть вторая); в постановлении или определении суда об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения указываются конкретные ограничения, которым подвергается подозреваемый, обвиняемый, а также указываются орган или должностное лицо, на которые возлагается осуществление надзора за соблюдением установленных ограничений (часть третья). Статья 109 УПК Российской Федерации регулирует сроки содержания под стражей и порядок их продления.

1.1. Конституционность приведенных законоположений оспаривается гражданином Эстонской Республики А.Т.Фединым. Как следует из представленных им материалов, постановлением судьи Смольнинского районного суда города Санкт-Петербурга от 16 июля 2010 года А.Т.Федину,

обвиняемому в совершении преступлений, предусмотренных частями второй и третьей статьи 210 (участие в преступном сообществе, совершенное с использованием своего служебного положения) и частью четвертой статьи 159 (мошенничество, совершенное в составе организованной группы, в особо крупном размере) УК Российской Федерации, мера пресечения в виде заключения под стражу в связи с истечением предельного срока содержания под стражей (18 месяцев) была изменена на меру пресечения в виде домашнего ареста, а местом домашнего ареста определена однокомнатная квартира в городе Санкт-Петербурге, принадлежащая его матери.

Надзорные жалобы защитника А.Т.Федина на это постановление были оставлены без удовлетворения. Постановлением следователя от 22 декабря 2010 года также отказано в удовлетворении ходатайства защитника заявителя об отмене меры пресечения в виде домашнего ареста, а Смольнинский районный суд города Санкт-Петербурга постановлением от 11 февраля 2011 года отказал в принятии к рассмотрению жалобы на данное решение следователя, поданной в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации.

В жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации А.Т.Федин утверждает, что на момент обращения в Конституционный Суд Российской Федерации общее время ограничения его свободы – пребывания под стражей и под домашним арестом – составило более 24 месяцев, в течение которых он лишен возможности трудоустройства и получения какого-либо легального дохода. По его мнению, оспариваемые им статьи 107 и 109 УПК Российской Федерации, как допускающие существенное превышение установленного законом предельного срока содержания под стражей, несоразмерно ограничивают его право на свободу и личную неприкосновенность и тем самым противоречат статьям 22 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

1.2. В соответствии со статьями 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации по жалобе

гражданина на нарушение его конституционных прав законом проверяет конституционность законоположений, примененных в конкретном деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая при этом как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых актов.

А.Т.Федин, как следует из его жалобы, связывает нарушение своих прав с продолжительностью домашнего ареста. Между тем статья 109 УПК Российской Федерации регулирует сроки содержания под стражей и порядок их продления. При этом, по смыслу пункта 2 части десятой и части двенадцатой данной статьи, в срок содержания под стражей – как при первоначальном, так и при повторном избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения – засчитывается время домашнего ареста. Тем самым положения данной статьи, будучи гарантией обеспечения конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность при применении меры пресечения в виде заключения под стражу, не могут рассматриваться как нарушающие в конкретном деле заявителя его конституционные права в указанном им аспекте.

Соответственно, производство по данной жалобе в части, касающейся проверки конституционности статьи 109 УПК Российской Федерации, подлежит прекращению в силу пункта 2 части первой статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения статьи 107 УПК Российской Федерации, регламентирующие применение в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста.

2. По смыслу Конституции Российской Федерации, ее статей 17 (часть 2), 21 (часть 1) и 22 (часть 1), принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность, относящееся к числу основных прав человека и признаваемое Всеобщей декларацией прав человека (статья 1), воплощает наиболее значимое социальное благо, которое, исходя из признания государством достоинства личности, предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу ее автономии и создает условия как для демократического устройства общества, так и для всестороннего развития человека. Именно поэтому Конституция Российской Федерации допускает возможность его ограничения лишь в той мере, в какой это необходимо в определенных ею целях, в установленном законом порядке, с соблюдением общеправовых принципов и на основе конституционных критериев необходимости, разумности и соразмерности, с тем чтобы не оказалось затронутым само существо данного права. Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации в ряде своих решений, публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей (постановления от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 30 октября 2003 года № 15-П, от 22 марта 2005 года № 4-П, от 14 июля 2005 года № 9-П и от 16 июня 2009 года № 9-П).

Европейский Суд по правам человека также считает, что правовая защита лица от произвольного вмешательства со стороны государства в его право на свободу, гарантированное Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (статья 5), предполагает соразмерность ограничения этого права, означающую обеспечение баланса между общественными интересами, которые могут потребовать предварительного заключения лица под стражу, и важностью права на свободу личности – с учетом презумпции невиновности;

при установлении такого баланса важным фактором является продолжительность содержания под стражей, которая не должна превышать разумных пределов (постановления от 26 июня 1991 года по делу «Летеллье (Letellier) против Франции», от 6 апреля 2000 года по делу «Лабита (Labita) против Италии» и от 29 января 2008 года по делу «Саади (Saadi) против Соединенного Королевства»); практика, которая складывается в связи с законодательным пробелом и в соответствии с которой лицо заключается под стражу на неопределенный срок, противоречит одному из фундаментальных принципов правового государства – принципу правовой обеспеченности (постановление от 28 марта 2000 года по делу «Барановски (Baranowski) против Польши»).

Выявляя конституционно-правовой смысл понятия «лишение свободы», Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 июня 2009 года № 9-П установил, что это понятие имеет автономное значение, заключающееся в том, что любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы, должны отвечать критериям правомерности именно в контексте статьи 22 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу регулирования ареста, задержания, заключения под стражу и содержания под стражей в сфере преследования за совершение уголовных и административных правонарушений в качестве мер допустимого лишения свободы; арест, задержание, заключение под стражу и содержание под стражей, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы. Никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком продолжительный срок, а законодатель обязан установить четкие и разумные временные рамки допускаемых ограничений прав и свобод (постановления от 24 июня 2009 года № 11-П и от 20 июля 2011 года № 20-П, Определение от 14 июля 1998 года № 86-О).

Аналогичной позиции придерживается и Европейский Суд по правам человека. При толковании статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 4 которой гарантирует каждому, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения и на освобождение, если заключение под стражу признано судом незаконным) он отмечал, что лишение физической свободы фактически может приобретать разнообразные формы, не всегда адекватные классическому тюремному заключению, и предлагал оценивать их не по формальным, а по сущностным признакам, таким как принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества, семьи, прекращение выполнения служебных обязанностей, невозможность свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц. По мнению Европейского Суда по правам человека, ограничение свободы и лишение свободы отличаются друг от друга лишь степенью или интенсивностью, а не природой или сущностью (пункт 14 постановления от 1 июля 1961 года по делу «Лоулесс (Lawless) против Ирландии» (№ 3), пункты 92 и 102 постановления от 6 ноября 1980 года по делу «Гуццарди (Guzzardi) против Италии», пункты 55 и 68 постановления от 28 октября 1994 года по делу «Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства», пункт 42 постановления от 24 ноября 1994 года по делу «Кеммаш (Kemmaché) против Франции» (№ 3) и пункт 42 постановления от 25 июня 1996 года по делу «Амюур (Amuur) против Франции»).

Следовательно, всякое ограничение или лишение права на свободу и личную неприкосновенность в связи с необходимостью изоляции лица от общества, применяемой в виде меры пресечения в процессе судопроизводства либо в виде уголовного или административного наказания, должно обеспечиваться судебным контролем и другими правовыми гарантиями его справедливости и соразмерности, исходя из его законодательно установленных пределов.

Приведенные требования Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов и основанные на них правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, распространяющиеся на правовое регулирование применения такой непосредственно сопряженной с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность меры пресечения, как домашний арест, при котором лицо находится в изоляции и не может свободно реализовать свои права, предполагают обязанность законодателя определить в законе время пребывания лица под домашним арестом в соответствии с принципами справедливости и равенства, с тем чтобы исключить возможность произвольного и несоразмерного ограничения права на свободу и личную неприкосновенность.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации среди мер процессуального принуждения предусматривает в главе 13 меры пресечения – средства ограничения личной свободы обвиняемого, а в исключительных случаях подозреваемого, применяемые, как следует из его статьи 97, в целях предупреждения попыток скрыться от органов дознания, предварительного следствия или суда, продолжить преступную деятельность, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иных попыток воспрепятствовать производству по уголовному делу, а также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном статьей 466 данного Кодекса.

Наиболее строгими из мер пресечения, перечисленных в статье 98 УПК Российской Федерации, являются домашний арест (статья 107 УПК Российской Федерации) и заключение под стражу (статья 108 УПК Российской Федерации). Поскольку суть данных принудительных мер – непосредственное ограничение находящегося под защитой статьи 22 Конституции Российской Федерации права на свободу и личную неприкосновенность, законодатель допускает применение таких мер в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении лишь тех

преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы, как правило, на срок свыше двух лет, и при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения (часть первая статьи 108 УПК Российской Федерации).

Согласно статье 107 УПК Российской Федерации домашний арест в качестве меры пресечения избирается в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда при наличии оснований и в порядке, которые установлены статьей 108 данного Кодекса, с учетом его возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств (часть вторая); в постановлении или определении суда об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения указываются конкретные ограничения, которым подвергается подозреваемый или обвиняемый и которые связаны со свободой его передвижения либо состоят в запрете общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию, вести переговоры с использованием любых средств связи (части первая и третья).

Из статей 97, 98, 107 и 108 УПК Российской Федерации в их нормативном единстве следует, что и домашний арест, и заключение под стражу в действующей системе правового регулирования связаны с принудительным пребыванием подозреваемого, обвиняемого в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных или иных трудовых обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц, т.е. с непосредственным ограничением самого права на физическую свободу и личную неприкосновенность, а не только условий его осуществления. В силу этого применение таких мер пресечения должно осуществляться с соблюдением предусмотренных Конституцией Российской Федерации гарантий обеспечения данного права, схожих между собою по своим сущностным характеристикам, в том числе определяющих сроки пребывания лица в условиях изоляции в соответствии с принципами юридического

равенства и формальной определенности правовых норм, справедливости и соразмерности устанавливаемых судом ограничений.

4. Вытекающим из статей 1 (часть 1), 6 (часть 2), 17 (часть 3) и 19 Конституции Российской Федерации принципом юридического равенства обуславливается необходимость формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования, поскольку юридическое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы. Законоположения, не отвечающие указанным критериям, порождают противоречивую правоприменительную практику, создают возможность их неоднозначного истолкования и произвольного применения и тем самым нарушают, кроме того, и конституционные гарантии государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан, включая реализуемые в процедурах уголовного преследования за совершение преступления (статья 45; статья 46, части 1 и 2; статья 49, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Срок домашнего ареста, порядок его установления, продления, а также его предельная продолжительность в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, в том числе в его статье 107, не указаны, как не предусмотрено в нем и распространение на домашний арест ограничений, закрепленных законом для содержания под стражей. Домашний арест, который в силу закона применяется лишь при наличии оснований и в порядке, установленных для заключения под стражу, никак не регламентируется статьей 109 УПК Российской Федерации об исчислении и продлении сроков содержания под стражей. В части десятой данной статьи лишь указано, что в срок содержания под стражей засчитывается и время домашнего ареста (а часть третья статьи 72 УК Российской Федерации предусматривает, что время содержания под стражей включается, в свою очередь, в срок уголовного наказания – лишения свободы, содержания в

дисциплинарной воинской части или ареста – из расчета один день за один день).

По смыслу, придаваемому положениям статьи 107 УПК Российской Федерации сложившейся правоприменительной практикой, срок применения домашнего ареста не ограничивается: согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 года № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» избранная на стадии предварительного расследования мера пресечения в виде домашнего ареста продолжает действовать на всем протяжении предварительного расследования и нахождения уголовного дела у прокурора с обвинительным заключением, а также в суде при рассмотрении дела (абзац четвертый пункта 26).

Некоторые суды общей юрисдикции применяют положения статьи 107 УПК Российской Федерации, устанавливая и продляя срок домашнего ареста по правилам статьи 109 данного Кодекса. Между тем такая практика, хотя и направленная на защиту конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность и согласующаяся с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, которая изложена в Определении от 27 января 2011 года № 9-О-О, принятом по жалобе гражданина А.И.Аноприева на нарушение его конституционных прав статьей 107 УПК Российской Федерации, сама по себе не свидетельствует о том, что оспариваемые законоположения отвечают требованиям определенности, точности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования.

При отсутствии оснований для изменения избранной лицу меры пресечения домашний арест может применяться с превышением установленных для содержания под стражей (части вторая и третья статьи 109 УПК Российской Федерации) предельных сроков – вплоть до вынесения судом приговора, причем в отношении лиц, скрывшихся от органов расследования или иным способом нарушивших условия домашнего ареста,

изменение меры пресечения в таких случаях с домашнего ареста на более строгую (заключение под стражу) невозможно, поскольку в соответствии с пунктом 2 части десятой этой статьи время домашнего ареста включается в совокупный срок содержания под стражей как его составная часть, а при достижении предельных сроков содержания под стражей дальнейшее продление таких сроков не допускается. Тем самым лица, соблюдающие условия домашнего ареста, в нарушение конституционного принципа справедливости ставятся в худшее положение по сравнению с лицами, скрывшимися от органов расследования или иным образом не выполняющими данные условия.

Более того, не исключается пребывание лица под домашним арестом с превышением не только предельных сроков содержания под стражей, установленных статьей 109 УПК Российской Федерации, но и сроков наказания, назначаемого судом за соответствующее преступление по нормам Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации, что противоречит закрепленному в статье 49 Конституции Российской Федерации принципу презумпции невиновности, по смыслу которого до вступления в законную силу обвинительного приговора на подозреваемого, обвиняемого не могут быть наложены ограничения, в своей совокупности сопоставимые по степени тяжести, в том числе срокам, с уголовным наказанием, а тем более превышающие его.

Следовательно, положения статьи 107 УПК Российской Федерации – как сами по себе, так и во взаимосвязи с другими положениями данного Кодекса – порождают неопределенность в вопросе и о продолжительности домашнего ареста, и о порядке его продления, и о сроке, по истечении которого дальнейшее продление невозможно, и тем самым позволяют устанавливать временные пределы ограничения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность в произвольном порядке и исключительно по правоприменительному решению.

5. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, при принятии решений, связанных с ограничением свободы и личной неприкосновенности, суд как орган правосудия – исходя из статей 22, 46 (часть 1), 48, 118, 120 и 123 (части 1–3) Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи – призван обеспечивать одинаковые по своей природе судебные гарантии защиты прав и законных интересов личности. Данная правовая позиция, выраженная в постановлениях от 10 декабря 1998 года № 27-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П и от 22 марта 2005 года № 4-П, распространяется на меру пресечения в виде домашнего ареста, который, как и заключение под стражу, непосредственно ограничивает конституционное право на свободу и личную неприкосновенность. Единая природа данного конституционного права предполагает и единые правовые гарантии его судебной защиты, которая в силу статьи 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации и корреспондирующих ей положений международно-правовых актов, в частности статей 8 и 29 Всеобщей декларации прав человека, пункта 2 и подпункта «а» пункта 3 статьи 2 и пункта 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, должна быть справедливой, компетентной, полной и эффективной.

Конституционный Суд Российской Федерации, обращаясь к вопросу о судебной защите прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения, указывал, что в ситуациях, связанных с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, гарантии права на судебную защиту приобретают особое значение; гарантии данного права не могут быть компенсированы лишь закреплением в законе предельных сроков ограничения или лишения свободы и личной неприкосновенности, равно как и возможности обжалования гражданином в судебном порядке продолжающегося ареста (поскольку при этом в нарушение статей 22 и 46 Конституции Российской Федерации допускается ограничение указанного конституционного права вне судебного контроля в течение значительного времени, в том числе до момента рассмотрения судом соответствующей

жалобы) (постановления от 14 марта 2002 года № 6-П и от 22 марта 2005 года № 4-П).

Ограничение права на свободу и личную неприкосновенность может иметь место только при наличии как факторов, отвечающих указанным в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целям, так и разумных сроков, контролируемых судом, с тем чтобы данный вопрос не мог решаться произвольно или исходя из каких-либо формальных условий, а суд основывался на самостоятельной оценке существенных для таких решений обстоятельств (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2006 года № 101-О).

Между тем, поскольку суд при рассмотрении обращений (жалоб, ходатайств) подозреваемого, обвиняемого, связанных с применением домашнего ареста в качестве меры пресечения, руководствуется статьей 107 УПК Российской Федерации, не отвечающей требованиям формальной определенности и согласованности с другими положениями данного Кодекса, не ограничивающей срок домашнего ареста, его предельную продолжительность и не определяющей основания и порядок его продления, право на свободу и личную неприкосновенность названных участников процесса остается без эффективных гарантий судебной защиты, что противоречит требованиям статей 22 (часть 1) и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации.

6. Таким образом, статья 107 УПК Российской Федерации, как не конкретизирующая срок, на который избирается мера пресечения в виде домашнего ареста, не определяющая основания и порядок его продления и не ограничивающая предельную продолжительность пребывания лица под домашним арестом, – в силу неопределенности как самой по себе данной статьи, так и ее положений во взаимосвязи с другими положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации – порождает противоречивую правоприменительную практику, позволяет налагать ограничения, сопоставимые по степени тяжести с уголовными наказаниями и

даже превышающие их, снижает гарантии судебной защиты и тем самым не соответствует статьям 19 (части 1 и 2), 22 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 49 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

При внесении в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации необходимых изменений федеральному законодателю следует руководствоваться требованиями Конституции Российской Федерации и основанными на них правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, изложенными в настоящем Постановлении, относительно установления и продления срока домашнего ареста, его предельной продолжительности, в том числе с учетом срока содержания под стражей, и обеспечения при применении домашнего ареста эффективного судебного контроля ограничения права на свободу и личную неприкосновенность.

7. Согласно частям первой и третьей статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» юридическим последствием принятого в порядке его статьи 47¹ постановления Конституционного Суда Российской Федерации, которым нормативный правовой акт или его отдельные положения признаются не соответствующими Конституции Российской Федерации, является утрата ими со дня опубликования постановления в соответствии со статьей 78 данного Федерального конституционного закона юридической силы на будущее время. Это означает, что с момента вступления в силу постановления Конституционного Суда Российской Федерации такие акты или их отдельные положения применяться не могут.

Вместе с тем исходя из цели обеспечения баланса конституционно значимых интересов и недопустимости нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении прав и свобод человека и гражданина (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации) Конституционный Суд Российской Федерации может определить порядок исполнения постановления Конституционного Суда Российской Федерации, обусловленный, в

частности, необходимостью обеспечить стабильность правоотношений в интересах субъектов права.

Поскольку положения статьи 107 УПК Российской Федерации, предусматривающие меру пресечения в виде домашнего ареста, в части оснований и порядка ее избрания и применения действуют в нормативном единстве со статьей 108 данного Кодекса, регламентирующей вопросы избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу, постольку – по смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в Постановлении от 29 июня 2004 года № 13-П, – процессуальные гарантии права на свободу и личную неприкосновенность, установленные законом для решения вопроса о применении меры пресечения, закрепленной статьей 108 УПК Российской Федерации, должны обеспечиваться и при решении вопроса о применении домашнего ареста.

При этом, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 27 января 2011 года № 9-О-О, уголовно-процессуальный закон, предусматривающий меру пресечения в виде домашнего ареста в качестве альтернативы заключению под стражу, предполагает установление в постановлении или определении суда об избрании данной меры пресечения срока домашнего ареста, который, по смыслу взаимосвязанных положений статей 6¹ и 128 УПК Российской Федерации, должен быть конкретным и разумным; данный вывод согласуется с пунктом 11.1 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятых 14 декабря 1990 года Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН, в котором указывается, что срок действия меры, не связанной с тюремным заключением, не превышает срока, установленного компетентным органом в соответствии с законом.

Конституционный Суд Российской Федерации приходит к выводу, что, во избежание создания правовых препятствий для применения домашнего ареста как меры пресечения, которая является более гуманной по сравнению

с заключением под стражу, в период до вступления в силу федерального закона, вносящего в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации соответствующие изменения, а также учитывая, что уголовно-процессуальное регулирование основывается на конституционных гарантиях обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность при применении мер пресечения, непосредственно ограничивающих это право, закрепляет общность оснований и условий для избрания мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста и схожие по своим сущностным характеристикам (единые) гарантии судебной защиты этого конституционного права, а также устанавливает единый порядок зачета времени их применения при исчислении размера наказания, положения статьи 107 УПК Российской Федерации – впредь до внесения соответствующих изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство – должны применяться таким образом, чтобы в период предварительного расследования предельный срок пребывания подозреваемых, обвиняемых под домашним арестом, а также совокупный срок их содержания под стражей и под домашним арестом в качестве мер пресечения (вне зависимости от того, в какой последовательности они применялись) не превышали бы предельную продолжительность содержания под стражей, определенную в статье 109 УПК Российской Федерации, а назначение домашнего ареста в качестве меры пресечения и его продление осуществлялись бы по правилам данной статьи.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 47¹, частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 22 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 49 и 55 (часть 3), положения статьи 107 УПК Российской Федерации в той мере, в

какой они не конкретизируют срок, на который избирается мера пресечения в виде домашнего ареста, не определяют основания и порядок его продления и не ограничивают предельную продолжительность пребывания лица под домашним арестом, в том числе с учетом срока содержания под стражей в качестве меры пресечения.

2. Правоприменительные решения в отношении гражданина Эстонской Республики Федина Александра Тимофеевича, основанные на положениях статьи 107 УПК Российской Федерации, признанных настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

3. При внесении в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации необходимых изменений федеральному законодателю следует руководствоваться требованиями Конституции Российской Федерации и основанными на них правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, изложенными в настоящем Постановлении, относительно установления и продления срока домашнего ареста, его предельной продолжительности, в том числе с учетом срока содержания под стражей, и обеспечения при применении домашнего ареста эффективного судебного контроля ограничения права на свободу и личную неприкосновенность.

Впредь до вступления в силу федерального закона, вносящего в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации соответствующие изменения, для установления срока домашнего ареста, его продления и ограничения его предельной продолжительности, в том числе с учетом срока содержания под стражей, должны применяться положения его статьи 109.

4. Прекратить производство по жалобе А.Т.Федина в части, касающейся проверки конституционности статьи 109 УПК Российской Федерации.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня его опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 27-П